РУСАКЪ.

У нѣмца на все струментъ есть, говоритъ пословица, которая неоспоримо доказываетъ, что русскій любитъ браться за дѣло, какъ можно проще, безъ затѣйливыхъ снарядовъ. — Бей русскаго, часы сдѣлаетъ, говоритъ другая, намекая на то, что нужда хитрѣе мудреца, и что неволя учитъ и ума даетъ. Но коли тотъ, о комъ идетъ рѣчь, въ нуждѣ и часы сдѣлаетъ — верхъ премудрости человѣческой, то стало быть у него догадливости и досужества станетъ на это, была бы нужда либо охота, воля или неволя; но какъ охота пуще неволи, то надо быть и ея иногда достаточно, для подстреканія смышленности и догадливости нашего сметливаго народа.

Кто не знаетъ Телушкина, сметливости и смѣлости его, удивившей въ свое время весь бѣлый свѣтъ? Тонкій и высокій Адмиралтейскій шпиль въ Петербургѣ, который еще недавно въ глазахъ нашихъ

для починки обставленъ былъ цѣлымъ лѣсомъ лѣсовъ, — потребовалъ и въ то время какой–то, менѣе значительной починки; но само собою разумѣется, что на вершину шпиля, на эту иглу, одѣтую сверху до низу вызолоченнымъ листовымъ желѣзомъ, нельзя иначе попасть, какъ обгородивъ ее цѣлымъ городомъ лѣсовъ, отъ земли до самаго кораблика: издержки огромныя, въ работѣ и въ припасахъ. Простой работникъ, кровельщикъ, былъ при разсужденіяхъ объ этомъ, слышалъ о торгахъ, о совѣщаніяхъ подрядчиковъ, пошелъ осмотрѣть еще разъ на глазомѣръ шпиль и узнать, высоко ли можно будетъ подняться внутри его, въ пространствѣ трехъ мачтовыхъ деревъ, составляющихъ иглу, и сообразивъ все это, явился самъ на торги и предложилъ сдѣлать требуемую поправку не за десятки тысячъ рублей, а нѣсколько сотъ, сколько пожалуютъ изъ милости. Подумавъ, согласились; но никто не вѣрилъ успѣху. Кровельщикъ отправился въ шпиль, поднялся по желѣзнымъ скрѣпамъ между тремя

мачтовыми деревьями до самаго нильзя, тамъ сдѣлалъ осторожно окошечко, вынувъ желѣзный листъ — высунулъ голову и посмотрѣлъ на Питеръ. Насмотрѣвшись, онъ примостился, сталъ твердою ногою снаружи шпиля, закинулъ веревку, размахавъ ее, вокругъ шпиля, поймалъ другой конецъ, пронялъ въ него веревку удавкой, или петлей, затянулъ ее и, подымая шестомъ постепенно все выше и выше, продолжалъ затягивать, не давая ей опускаться внизъ. Кончивъ пріемъ этотъ, онъ опоясался концомъ этой веревки, соскочилъ во славу Господню на вольный свѣтъ, будто хотѣлъ полетѣть, и, цѣпляясь босыми ногами за почти отвѣсный шпиль, пошелъ улиткой вокругъ него, подымая шестомъ обороты веревки какъ можно выше и ложась вѣсомъ всего тѣла прочь отъ шпиля, на воздухъ, чтобы натягивать веревку. Такимъ образомъ онъ, обвивая веревку вокругъ шпиля и укорачивая ее этимъ, подымался все выше и выше; тамъ примостился снова, какъ ласточка съ гнѣздомъ своимъ, снаружи шпиля, опять

закинулъ оттуда веревку петлей и кончилъ тѣмъ, что добрался до верхушки, до желѣзнаго стержня, на которомъ стоитъ знаменитый корабликъ. Привязавъ къ этому мѣсту стремянку (веревочную лѣстницу), мой кровельщикъ сѣлъ отдыхать и смотрѣлъ на подножный Петербургъ глазомъ побѣдителя. Весело было ему теперь оглянуться! Въ нѣсколько дней починка была окончена, лѣсенка снята, окно зачинено и всѣ незатѣйливые снаряды убраны!

Въ одномъ изъ вѣковыхъ зданій, въ огромномъ и великолѣпномъ соборѣ, надо было приступить къ распискѣ свода. Трудность этого дѣла, для зодчаго и живописца, можетъ понять только тотъ, кто обниметъ глазомъ огромность этого пространства, по всѣмъ размѣрамъ; но затрудненіе еще тѣмъ увеличивалось, что нельзя было уставить все пространство лѣсами, какъ полагали ученые зодчие, и покрыть помостомъ, потому–что живописцы требовали свѣту, который падалъ изъ оконъ, снизу, и требовали еще

простора для глаза, открытаго вида. Какъ тутъ быть? Задача состояла въ томъ, чтобы устроить лѣса такого рода, которые давали бы полную свободу приступиться къ любой точкѣ огромнаго свода, а притомъ не застили бы снизу и съ боковъ и оставляли бы всегда столько простора передъ каждой картиной, чтобы можно было, во время работы, разсматривать ее на разстоянiи саженъ десяти. Мудрецы зодчаго дѣла исчертили нѣсколько листовъ саженной бумаги, придумывая самое хитрое устройство подмостковъ, а живописцы все качали головой, увѣряя, что это не годится, и что имъ такъ писать потолка нельзя. Слыша всѣ толки эти, одинъ изъ простыхъ работниковъ долго стоялъ, снявъ шапку, задравъ голову и почесываясь въ затылкѣ, и наконецъ рѣшился подойти, не къ зодчему, разумѣется, а къ живописцу, и предложить скромно то, что самъ придумалъ: по окружному карнизу подъ сводомъ положить ровную деревянную настилку; перекинуть отъ одной точки окружности до другой, въ видѣ

поперечника, мостикъ съ перилами, подвѣсивъ его для помощи за средину цѣпью къ самой вершинѣ свода, гдѣ для этого пропустить въ небольшія окна два надежныхъ бревна накрестъ; подъ обѣ оконечности мостика подвести чугунныя медвѣдки или колеса, которыя бы могли кататься по настилкѣ карниза, — и дѣло кончено. Тогда легко будетъ подвигать помостъ рычагомъ по всей окружности, устроивъ на немъ подвижную лѣсенку съ сидѣньемъ; все пространство свода остается пустымъ, не загроможденным, доступъ свѣта свободенъ со всѣхъ сторонъ, а разсматривать можно картину, отходя по мостику до противнаго конца поперечника.

Я уже разсказалъ, помнится, гдѣ–то, какъ десятокъ нашихъ мужиковъ или извощиковъ, возившихъ товаръ на лейпцигскую ярмарку, удивили нѣмцевъ въ какомъ–то городкѣ, взявшись окрасить высокій, многоярусный домъ, съ такими малыми затѣями и издержками, что весь городъ сходился дивиться и любоваться этимъ необычайнымъ дѣломъ. Цеховые

нѣмецкіе баумейстеры, сошедшись на торги къ хозяину дома, просили большую цѣну, сообразную съ ихъ способомъ обѣлки и окраски, а они для этого ставятъ лѣса и дѣлаютъ помосты вокругъ всего зданія, до самого верху, какъ у насъ при постройкѣ домовъ. Мужички мои, которые смолоду бывали, кто сапожникомъ, кто мостовщикомъ, долго стояли у воротъ заѣзжаго дома, насупротивъ котораго все это дѣялось, и когда хозяинъ не сошелся съ мастерами въ цѣнѣ, то наши и стали поговаривать, что дѣло это можно бы сдѣлать вдвое дешевле противъ нѣмцевъ. Слово–за–словомъ, ихъ вызвали принять на себя работу, а они, посовѣтовавшись между собою, ударили по рукамъ. Приставивъ съ одной стороны обычный костыль нашъ, котораго за–границей и не знаютъ, подвѣсивъ съ другой койку, которая спускается и подымается на веревкѣ, на которой внизу стоитъ одинъ работникъ, ради безопасности висѣльника, — да выставивъ изъ оконъ верхнихъ ярусовъ тутъ и тамъ по плахѣ, на

которую одинъ садится верхомъ внутри окна, а другой снаружи — мои мастеровые окрасили домъ, къ большому изумленію и даже соблазну туземцевъ, а особенно каменьщиковъ или бѣлильщиковъ, которые подали просьбу на такое нарушеніе цеховыхъ правъ и заставили хозяина уплатить за это значительную пеню. Дешевое доводитъ до дорогого.

Огромный колоколъ, въ саженныхъ размѣрахъ, былъ отлитъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, куда его слѣдовало доставить. Не столько огромный объемъ, сколько вѣсъ его чрезвычайно затруднялъ дѣло: никакой лѣтній ходъ, т. е. оси и колеса, не могли бы выдержать такой тяжести, а на зимнемъ ходу, на полозьяхъ, ее нельзя стащить съ мѣста, потому–что она прилипаетъ, какъ крестьяне выражаются, т. е. отъ непомѣрнаго давленія своего не только врѣзывается въ снѣгъ до земли, но и останавливается на–мертво на каждомъ сучкѣ или камешкѣ, который попадается на дорогѣ, и забивается въ самое дерево полоза. Нашелся однако же

крестьянинъ, который принялъ на себя съ торговъ доставку, за весьма умѣренную плату, и всѣ отступились, полагая, что онъ поплатится залогомъ. Но онъ ухитрился очень просто и сдѣлалъ свое дѣло, какъ нельзя лучше: онъ положилъ колоколъ бокомъ, приподнялъ и подперъ уши такъ, чтобы ось колокола лежала по уровню; за тѣмъ онъ придѣлалъ, со стороны ушей, большой деревянный кругъ, того же размѣра, какъ и самое жерло колокола, которое также накрылъ такимъ кругомъ; обшивъ всю поверхность между двумя днами или кругами этими толстыми досками и вставивъ въ средину того и другого дна по желѣзному стержню, вмѣсто оси, онъ сдѣлалъ изъ колокола огромный катокъ, который не слишкомъ тяжело было катить по дорогѣ, заложивъ нѣсколько десятковъ лошадей за каждый конецъ оси. Ломки не было никакой, и колоколъ прибылъ благополучно къ сроку на мѣсто своего назначенія.

Лѣтъ тому тридцать, помню я, ставили у насъ два дорогія мраморныя, конныя

изваянія. Подножія, вышиною сажени полторы, были изготовлены, и ученый мастеръ, французъ или итальянецъ, принялся за дѣло: поставили лѣса, которые для прочности и связи были довольно обширны; укрѣпили стрѣлы, въ родѣ крановъ, которыми ставятъ мачты въ суда; придѣлали на вершинѣ ихъ блокъ и стали подымать воротомъ мраморную лошадь съ человѣкомъ. Хлопотъ было много, но дѣло шло кой–какъ, покуда не пришлось поворачивать стрѣлы въ сторону, чтобы приподнятое на вѣсу изваяніе поставить на стояло: тогда, по какой–то неосторожности, ударили задомъ лошади объ лѣса и отбили ей ногу. Тотчасъ приказано было опустить драгоцѣнную статую опять на землю, а француза прогнали. Одинъ изъ работниковъ, не стерпѣвъ, вышелъ и сталъ просить, чтобъ ему позволили поставить оба изваянія на стояла, сказавъ, что ихъ и не слѣдовало вовсе вынимать изъ ящиковъ, и что дѣло это, такъ и такъ, можно сдѣлать гораздо проще и безопаснѣе. Согласились. Онъ настлалъ изъ толстыхъ досокъ на

козлахъ откосъ, съ поверхности каждаго подножія до земли, поставилъ ящики, гдѣ уложены были изваянія, на медвѣдки, и закинувъ за нихъ веревку, вскатилъ ихъ въ ручную на мѣсто. Тамъ разобрали ящики, приподняли поддоны рычагами и вынули изъ–подъ нихъ дно ящика съ медвѣдками. Дѣло было кончено, и статуи стоятъ по нынѣшній день.

Строили манежъ въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ, весь на желѣзныхъ скрѣпахъ, переводинахъ и стропилахъ. Потолочныя переводины или балки были составныя и подвѣшивались къ кровельнымъ лѣсамъ. Одинъ изъ подрядчиковъ, ярославскій крестьянинъ, сказалъ зодчему, что въ погибѣ переводинъ мало запасу и надо его прибавить почти на вершокъ, иначе потолокъ сядетъ и будетъ провѣсъ. Зодчій повѣрилъ еще разъ вычисленія свои, нашелъ ихъ вѣрными и спросилъ стараго, опытнаго мастера, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе? — Но какъ этотъ ничего не могъ сказать, кромѣ того, что будетъ провѣсъ; воля ваша, а будетъ, прибавьте

запасцу на вершокъ, — то зодчій долженъ былъ болѣе повѣрить наукѣ и велѣлъ продолжать работу. Кончили потолокъ, подрядчикъ мой взглянулъ на него изъ конца въ конецъ и сказалъ: таки ровно на вершокъ придется подымать средину балокъ. Такъ и вышло, и двойной работы не миновали.

При расчисткѣ дороги наткнулись на большой дикій камень, гранитъ, составлявшій гребень подземной скалы, и не знали, какъ его сбыть съ рукъ: вести для него дорогу въ обходъ не хотѣлось, и потому принялись разбивать его въ ручную, молотами. Проработали цѣлый день, щебню набили цѣлую кучу, а между тѣмъ камня почти не убываетъ. Прикинули глазомъ, да и испугались: приходилось заняться однимъ этимъ камнемъ болѣе мѣсяца. Одинъ изъ работниковъ взялся убрать его въ двои либо трои сутки: онъ натаскалъ на него цѣлый костеръ хворосту, зажегъ его и раскаливъ камень велѣлъ поспѣшно полить его водой изъ ближней канавы: камень весь растрескался, началъ осыпаться подъ

молотомъ какъ рыхлякъ, и когда такимъ образомъ легко сняли верхній пластъ, то повторили тоже въ другой разъ, и камня не стало: дорогу сравняли.

Еще лучше и проще этого сдѣлалъ загадливый мужичокъ, который за сто рублей убралъ камень, за уборку котораго просили тысячу. Большое мѣсто равняли, проходили на проглядъ, какъ говорятъ наши рабочіе, и камень въ добрую сажень лежалъ тамъ, гдѣ ему быть не слѣдовало. Рѣшили свезти его подъ гору и свалить на берегъ рѣки; но это обходилось недешево, и на торгахъ никто не бралъ менѣе тысячи рублей. Выходитъ простой работникъ, наслушавшійся всѣхъ толковъ объ этомъ камнѣ, и говоритъ: залоговъ у меня нѣтъ, господа, и нѣтъ денегъ на гербовый листъ, на просьбу и на контрактъ; а коли повѣрите — не слову, а дѣлу, то завтра камня не будетъ на этомъ мѣстѣ; а вы мнѣ за это, что пожалуете, то и возьму. Такое предложеніе не могло не затруднить гг. членовъ, которые обязаны были, для охраненія казеннаго интереса, соблюсти

всю обрядливость торговъ по формѣ. Разсудивъ однако же, что тутъ убытка быть не можетъ, потому–что крестьянинъ денегъ впередъ не беретъ и требуетъ на работу свою всего только сутки времени, — согласились. Мужикъ пошелъ, выкопалъ подъ камнемъ яму, подкопалъ и свалилъ его туда и засыпалъ землей. Всѣ до того изумились, что не знали, посмѣяться шуткѣ этой и подтрунить надъ самими собой, или ужъ лучше притвориться, будто никто ничего не видалъ....

Недавно еще появился крюковскій крестьянинъ, который брался подымать изъ–подъ воды затопленныя суда, днища и другія тяжести. Много было различныхъ слуховъ объ этомъ дѣлѣ, то за, то противъ изобрѣтателя, и никто не зналъ, чему вѣрить, чему не вѣрить, особенно когда даже и самые разсказы приверженцевъ и заступниковъ этого водолаза сдѣлались до того темными, непонятными, и можно сказать, похожими на сказку, что всякой по неволѣ сомнѣвался и недоумѣвалъ: въ нашъ вѣкъ чудесъ не бываетъ. Несмотря на это,

теперь однако же достовѣрно извѣстно, что крестьянинъ или мѣщанинъ этотъ изобрѣлъ что либо необыкновенное, непонятное и необъяснимое для насъ, въ томъ видѣ или при тѣхъ обстоятельствахъ, какъ онъ показываетъ намъ свое искусство. Затопивъ въ воду бочку, полную водой, онъ, въ глазахъ всѣхъ, ныряетъ и всплываетъ на поверхность воды съ порожнею, или наполненною однимъ воздухомъ бочкой. Какъ онъ это дѣлаетъ — доселѣ неизвѣстно; будемъ надѣяться, что тайна его съ нимъ не умретъ: но ясно, что онъ дѣлаетъ это какимъ–нибудь чрезвычайно простымъ и убористымъ снарядомъ, потому–что ничего громоздкаго не могъ бы скрыть при себѣ, и ясно такъ же, что самый способъ подводнаго выкачиванія воды, по непонятной быстротѣ производства, заслуживаетъ большое вниманіе. Какъ бы, казалось, не подумать о томъ, что человѣкъ этотъ, который носится годы съ изобрѣтеніемъ своимъ, смертный и можетъ умереть каждый день и каждую минуту?...

Смышленостію и находчивостію неоспоримо можетъ похвалиться народъ нашъ: но надобно сознаться, что кромѣ нѣсколькихъ простыхъ и превосходныхъ древнихъ изобрѣтеній, съ которыми уже свыкся русскій крестьянинъ, онъ не только мало склоненъ къ новымъ, самобытнымъ изобрѣтеніямъ, но вообще, по косности своей, даже не любитъ, собственно для себя, улучшеній и нововведеній подражательныхъ; и это особенно относится до домашняго его быта и хозяйства. Зато онъ крайне понятливъ и переимчивъ, если дѣло пойдетъ по промышленной и ремесленной части; но здѣсь четыре сваи, на которыхъ стоитъ русскій человѣкъ, — авось, небось, ничего и какъ–нибудь — эти четыре сваи на пловучемъ материкѣ, оказываются слишкомъ ненадежными; жаль, что онѣ увязли глубоко, и что ихъ нельзя замѣнить другими.

Кто не слышалъ разсказа о томъ, какъ въ Римѣ ставили огромный памятникъ, котораго подъемъ и установка считались

торжествомъ механики, — какъ подъ смертною казнью запрещено было народу говорить, чтобы не вышло какихъ безпорядковъ и помѣхи, — какъ снасти или веревки, на которыхъ высѣли блоки, вытянулись отъ чрезмѣрной тяжести, блоки сошлись, нельзя было болѣе тянуть, а между тѣмъ памятникъ не дошелъ еще до мѣста и оставался въ опасномъ, наклоненномъ положенiи, къ отчаянiю потерявшагося зодчаго, — и какъ наконецъ кто–то изъ толпы, среди мертвой тишины, закричалъ: «полить снасти водой!» Совѣтъ этотъ поспѣшили исполнить, памятникъ сталъ на свое мѣсто, но находчиваго совѣтника, несмотря ни на какiя старанiя, не могли отъискать.... Я увѣренъ, что это былъ нашъ землякъ....

В. ДАЛЬ